

Василий Гроссман

«ОБО МНЕ
НЕ БЕСПОКОЙСЯ...»

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

*Под редакцией
Юлии Волоховой и Анны Красниковой*

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г 88

THE LETTERS OF VASILY GROSSMAN
by Vasily Grossman
edited by Anna Krasnikova and Yulia Volokhova
Text and images © The Estate of Vasily Grossman
Selection, introduction, notes and editorial apparatus
© Anna Krasnikova and Yulia Volokhova, 2026

Василий Гроссман
«Обо мне не беспокойся...» Из переписки
Текст и изображения © The Estate of Vasily Grossman
Под редакцией Юлии Волоховой и Анны Красниковой
Составление, предисловие, комментарии, подготовка текста
© Anna Krasnikova and Yulia Volokhova, 2026

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

В книге использованы фотографии
из частного архива Гроссмана — Губер и архива Галеев-Галереи,
предоставленные Еленой Кожичкиной и Ильдаром Галеевым.

ISBN 978-5-389-30214-3

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Эта книга, объединившая под одной обложкой письма Василия Гроссмана к отцу, его переписку с женой Ольгой Губер и письма к Екатерине Заболоцкой, — первая крупная публикация эпистолярного наследия писателя¹.

Гроссман переписывался со многими людьми — с некоторыми на протяжении десятилетий, — но до сих пор не установлено, что именно из его корреспонденции сохранилось. До недавнего времени было известно о собрании писем в РГАЛИ, нескольких письмах в Литературном музее, коллекции Семена Липкина в университете Нотр-Дам в Индиане, семейных архивах наследников Гроссмана, архиве в библиотеке Гарвардского университета, в котором хранятся копии писем к отцу и некоторых других писем. К этому списку теперь можно добавить и частный архив Ильдара Галеева: в нем находится собрание писем к Екатерине Заболоцкой — собрание, о существовании которого ранее практически никто не знал.

Предыдущие публикации писем Гроссмана немногочисленны. Первая из них — письма к Ольге Губер из его поездки в Армению в 1961 году, подготовленные к печати самой Ольгой Михайловной и вышедшие в ереванском сборнике «Глазами друзей» в 1967-м (Гроссман 1967b). Пять писем военного времени были напечатаны в 2015 году в книге «„Мы предчувствовали полыханье...“». Союз советских писателей СССР в годы Великой

¹ Юлия Волохова и Анна Красникова работали сообща на всех этапах над составом, подготовкой текстов и научно-вспомогательным аппаратом этой книги. В тех же случаях, когда это необходимо для соблюдения академических формальностей, Юлия Волохова несет ответственность за с. 17–28, 406–779, 788–805, 815–822, 857–890, Анна Красникова — за с. 5–16, 31–405, 780–787, 806–814, 823–856.

Отечественной войны» (Горяева 2015а: 51, 132, 181, 333; Горяева 2015b: 196). В 2016 году в журнале «Знамя» Елена Макарова опубликовала письма Гроссмана к его ближайшему другу Семену Липкину (Гроссман 2016) — некоторые из них были уже опубликованы, полностью или частично, в книгах Липкина «Сталинград Василия Гроссмана» (Липкин 1986) и «Жизнь и судьба Василия Гроссмана» (Липкин 1990).

Отдельно следует остановиться на подборках корреспонденции, которые пасынок Гроссмана Федор Губер публиковал с конца 1980-х годов (Губер 1988; Губер 1989; Губер 1990; Губер 1996; Гроссман 1997; Губер 1998; Губер 2005). Конечным результатом этой работы стала книга «Память и письма. Книга о Василии Гроссмане», вышедшая в 2007 году (Губер 2007). В этих публикациях, несомненно, было использовано множество ценнейших и недоступных для исследователей материалов из семейного архива, однако они имеют скорее мемуарный, чем научный характер.

Между тем корреспонденция всегда служит важнейшим материалом для реконструкции биографии, глубокого понимания личности писателя, его идей. В случае же Гроссмана это еще более справедливо: число архивных документов, доступных исследователям в настоящее время, невелико, и в работах, посвященных писателю, неизбежно возникают пробелы или гипотезы, не подтвержденные фактами. Мы надеемся, что наша книга поможет заполнить некоторые из этих лакун и подтвердить или опровергнуть некоторые гипотезы.

Абсолютное большинство писем, вошедших в этот сборник, публикуется впервые. Книга состоит из трех основных собраний, и у каждого — своя удивительная судьба. Первый корпус — письма Василия Гроссмана к отцу Семену Осиповичу (Соломону Иосифовичу, 1870–1956) и одно письмо отца сыну: с частью этого корпуса выборочно работают ученые, но широкой публике он неизвестен. Второй корпус — переписка между Гроссманом и его второй женой Ольгой Михайловной Губер (1906–1988): о его существовании знали многие, прежде всего из публикаций пасынка Гроссмана, упомянутых выше, но до недавнего времени никто, кроме семьи Губер, его не видел. Третий корпус, вошедший в книгу, — письма Гроссмана к его последней любви, Екатерине Васильевне Заболоцкой (1906–1997): эта коллекция хранилась в семье Заболоцких, а затем в частном архиве, мало кто о ней знал и почти никто не упоминал.

Три этих корреспондента были в числе самых близких людей Василия Гроссмана, переписка с ними охватывает без малого 38 лет его жизни, и нам представляется важным включить в первое книжное издание эпистолярного наследия Гроссмана именно эти собрания писем¹.

СОДЕРЖАНИЕ ПИСЕМ

Все три корпуса, публикуемые в этой книге, дополняют друг друга. Читая их, мы наблюдаем за Гроссманом, без каких-либо дополнительных фильтров, с декабря 1925 года до октября 1963-го. Безусловно, в этом отрезке есть и периоды, от которых ничего не сохранилось или сохранилось очень мало. Например, мы немного знаем о московской жизни Гроссмана до 1927 года; почти не дошло до нас писем 1936–1939 годов.

Мы видим, как Гроссману живется студентом: он загуливает с друзьями, скитается по съемным квартирам, с переменным успехом учится и постепенно понимает, что химия никогда не станет центром его жизни. Мы видим, как он мучается одиночеством, заводит роман со своей киевской знакомой и очень быстро женится, а через два года семейной жизни на два города рождается дочь Катя, которая вскоре окажется в Бердичеве, у бабушки Екатерины Савельевны. Гроссман пытается работать инженером-химиком в Донбассе, снова страдает одиночеством и в конце концов возвращается в Москву. Разводится с женой и начинает новую жизнь.

Корреспонденция показывает и становление Гроссмана как писателя. Он пробует силы в публицистике в конце 1920-х годов, при поддержке своей двоюродной сестры Надежды Алмаз, работавшей секретарем у Соломона Лозовского. В начале 1930-х пишет повесть «Глюкауф» и рассказы, в конце 1933-го — начале 1934 года сближается с перевальцами, и первое время его писательская карьера идет неизменно в гору: печатаются рассказы, он пишет и публикует роман «Степан Кольчугин» в нескольких книгах. Однако 1930-е приносят Гроссману не только

¹ Когда эта книга уже готовилась к печати, в семейном архиве мы обнаружили несколько писем матери к Гроссману. Они станут предметом отдельной публикации.

литературный триумф, но и становятся временем первых утрат: в 1933-м арестована и отправлена в ссылку Надежда Алмаз, и вот уже не она помогает своему брату, а он отправляет ей деньги; подвергнуты репрессиям многие его друзья.

Письма показывают, как меняет Гроссмана война, как он работает над осмыслением этого опыта, как тяжело проживает вторую половину 1950-х и последние годы жизни. Сражается за издание романа «Сталинград» («За правое дело»), пытается печатать рассказы и раз за разом получает отказ, пишет «Жизнь и судьбу» — с ощущением надвигающейся трагедии и невозможности ее избежать. Отправляется в Армению, где занимается переводческой работой, а затем создает путевые заметки «Добро вам!». Характерно, что о работе над повестью «Все течет» (1955–1963), которую Гроссман и не думал публиковать, в корреспонденции нет ни слова.

Письма открывают нам многое о личности Гроссмана, о его отношениях с родителями, дочерью и пасынками, с тремя женщинами, которых он любил, с друзьями; мы узнаём о тех, кто ему был симпатичен и кто вызывал антипатию. Важная черта эпистолярных текстов Гроссмана заключается в том, что он никогда не ставит себя в центр вселенной, не сосредотачивается на самом себе, а уделяет основное внимание своему корреспонденту или же другим людям, о которых рассказывает.

Мы узнаём также и о круге его повседневных интересов, о привычках и хронических болезнях: какие он читал книги, какие стихи знал наизусть, какие фильмы смотрел в кино, какие карточные игры предпочитал; как болел астмой, как бросал курить и как следил за своим весом — словом, обо всех тех чертах, без которых не может сложиться объемный портрет живого человека (подробнее об этом см.: Krasnikova, Volokhova 2023; Volokhova, Krasnikova 2025).

ПИСЬМА К ОTCY

Родители Василия Гроссмана разошлись вскоре после рождения сына, но остались друзьями. Гроссман вырос с матерью, однако с отцом Семеном Осиповичем его связывали тесные отношения на протяжении всей жизни. Как рассказывала дочь пи-

сателя Екатерина Короткова-Гроссман, Василий Семенович «родителей очень уважал, обожал, и это было широко известно всему Союзу писателей, потому что он всюду со своим папашей ходил» (Волохова 2020b).

Первое письмо к отцу, известное нам, датируется 1925 годом: двадцатилетний Гроссман учится в Московском университете, а отец, недавно поступивший на службу в Донецкий областной институт патологии и гигиены труда, содержит сына-студента. Последнее письмо, дошедшее до нас, написано в октябре 1955 года, когда оба уже живут в Москве: сын стал знаменитым писателем, его пока еще публикуют, и теперь уже он заботится об отце и его материальном благополучии.

В нашей книге опубликованы все найденные на сегодня письма Гроссмана к отцу и одно сохранившееся письмо отца к сыну. Этот корпус состоит из трех частей: первая хранится в РГАЛИ и была передана туда Екатериной Заболоцкой. Именно с этими письмами до настоящего времени работали биографы Гроссмана. Вторая часть — письма, найденные нами в 2024 году в семейном архиве Василия Семеновича. О них не знали исследователи, Федор Губер не цитировал их в своих подборках, и, следовательно, нынешняя публикация не только впервые делает эти документы доступными широкому кругу читателей, но и одновременно впервые вводит их в научный оборот. И наконец, третья часть — две записки Гроссмана к отцу, которые находятся в архиве Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля.

Фонды РГАЛИ

История обретения писем к отцу, хранящихся сейчас в РГАЛИ, настолько примечательна, что обойти ее вниманием невозможно. Весной 1963 года перед операцией по удалению почки Василий Гроссман передал Екатерине Заболоцкой пачку писем, завернутых в бумагу, сказал, что это письма от его матери к его отцу, и попросил уничтожить их после его смерти. Екатерина Васильевна хранила долгие годы этот пакет, не открывая, а когда в 1990 году решила наконец выполнить обещание, то, по совету Семена Липкина, посмотрела, что в нем находится, и оказалось, что это действительно письма к Семену Осиповичу, но их

автор не мать, а сам Василий Гроссман. Заболоцкая не смогла их сжечь и передала в ЦГАЛИ (теперь РГАЛИ: Ф. 1710. Оп. 3. Ед. хр. 62–75), сопроводив краткой преамбулой, описывающей историю этих писем и состав коллекции и объясняющей ее решение: «Оправдываюсь перед Василием Семеновичем Гроссманом тем, что обещала я сжечь письма Екатерины Савельевны, а оказались в пачке письма его» (наст. изд.: 32). В архиве сделали четыре копии этого собрания: для Екатерины Коротковой-Гроссман, Федора Губера, Семена Липкина и для самой Заболоцкой.

С момента передачи писем в ЦГАЛИ в декабре 1990 года доступ к ним был закрыт по воле Федора Губера. Ограничения на их использование были сняты только в 2002 году, и с тех пор с подлинниками могут работать все желающие. При этом Екатерина Заболоцкая в начале 1990-х годов передала копию всего корпуса американским ученым Джону и Кэрол Гаррард, которые использовали эти материалы в своей книге «The Bones of Berdichev. The life and fate of Vasily Grossman» («Кости Бердичева: Жизнь и судьба Василия Гроссмана»; Garrard, Garrard 1996; новое издание — Garrard, Garrard 2012). Благодаря Гаррардам копии писем Гроссмана к отцу в конце концов попали — как и многие другие документы, имеющие отношение к Гроссману, — в Ху-тонскую библиотеку Гарвардского университета и стали доступны исследователям.

Таким образом, с письмами к отцу не был знаком, например, Анатолий Бочаров, автор биографического очерка о Гроссмане, вышедшего в 1970 году (Бочаров 1970), и монографии, опубликованной в 1990-м (Бочаров 1990). С середины же 1990-х годов, и особенно после снятия ограничений в РГАЛИ в 2002 году, этот материал использовался всеми биографами писателя (Garrard, Garrard 1996; Anissimov 2012; Бит-Юнан, Фельдман 2016; Poroff 2019). Более того, иногда он оказывался единственным источником информации, позволявшим с той или иной степенью точности реконструировать некоторые события жизни Гроссмана в определенные периоды: например, в студенческие годы, во время работы в Донбассе или же в самом начале его писательской карьеры, — а также определить круг его общения — от друзей и родственников до коллег и знакомых.

Екатерина Заболоцкая сообщает в преамбуле, сопровождающей корпус писем к отцу, что в пачке находилось 200 писем без конвертов, 180 датированных и 20 недатированных, написанных

с 1925 по 1956 год, и к тому же одно письмо Семена Липкина и одно — Екатерины Коротковой-Гроссман. Екатерина Васильевна немного ошиблась в подсчетах, атрибуции и датировке писем. В корпусе содержится 206 документов: 196 посланий Гроссмана отцу (в основном это письма, но есть также одна телеграмма и несколько записок), письма Липкина и Коротковой-Гроссман, о которых писала Заболоцкая, — и, кроме того, два письма Гроссмана к матери, от 9 мая 1928 года и 20 февраля 1929 года, два его письма к жене отца Ольге Семеновне Роданевич, от 12 февраля 1927 года и 11 июня 1933 года, два письма к Женни Генриховне Генрихсон (Гендриксон), от 1941 года и 5 октября 1942 года, доверенность на имя отца от 1943 года и краткая недатированная и неатрибутированная записка, написанная женщиной (записка найдена нами лишь в архиве Хоутонской библиотеки, а в РГАЛИ не обнаружена). Последнее письмо Гроссмана отцу из этого корпуса датируется 15 августа 1950 года.

Письма, открытки, телеграммы и записки Василия Гроссмана к отцу мы публикуем в первом разделе нашей книги, а остальные документы из этого пакета, переданного когда-то Екатерине Заболоцкой, — в четвертом разделе «Разное».

Не все письма к отцу сохранились хорошо: в некоторых чернила поблекли настолько, что расшифровать их было непросто — отдельные строки, например на сгибах, стерлись практически полностью. Ксерокопии писем, изготовленные в начале 1990-х, из архива Хоутонской библиотеки низкого качества, что делает прочтение ряда писем, особенно написанных карандашом, затруднительным. К тому же некоторые письма при ксерокопировании лежали неровно, и отдельные строки и слова по краям листов не отпечатались.

Екатерина Заболоцкая, очевидно, пыталась расположить письма в хронологическом порядке, причем последовательность подлинников, находящихся в РГАЛИ, и копий из Хоутонской библиотеки иногда не совпадает, и реальная хронология в обоих архивах нарушается. В первую очередь это касается недатированных документов и документов, в которых проставлена лишь дата и месяц, но не год. Так, например, в РГАЛИ в папку за 1931–1932 годы попали два письма, написанные 21–22 августа и 13 сентября 1928 года, а также одно от 10 июля 1929 года. В той же папке разрозненно хранятся два фрагмента одного письма, написанного в мае 1932 года.

Еще один пример: начало письма от 16 мая 1934 года находится в папке с письмами за 1933 год, а его окончание — в папке с документами за 1934-й, из-за этого некоторые исследователи прежде воспринимали события мая 1934 года как произошедшие годом ранее, причем в июне (Бит-Юнан, Фельдман 2016: 134; Poroff 2019: 70).

Изучив содержание всего корпуса, мы соотнесли его с установленными фактами из жизни Василия Гроссмана и упоминаемыми внешними событиями и постарались датировать письма и восстановить их хронологический порядок. Некоторые сложные случаи, касающиеся датировки, описаны ниже в этом предисловии, в разделе, посвященном принципам публикации писем.

Избавление от хронологической путаницы, частично присутствующей в архивах, и чтение всего эпистолярного корпуса подряд позволили нам установить некоторые факты, остававшиеся в тени при выборочном чтении. Вот один из примеров: прежде было известно, что в письмах к отцу два раза упоминается некий Штрум, и выдвигалась гипотеза, что это — киевский физик Лев Штрум (Dettmer, Poroff 2019). Между тем одно из упоминаний встречается в письме от 27 июня 1933 года, в котором Гроссман спрашивает отца: «Почему вдруг Ленинск? Ей-богу, „Штрумск“ мне кажется более подходящим» (наст. изд.: 123). Значение этой фразы становится яснее в контексте писем, написанных в июне 1933 года Гроссманом отцу и жене отца Ольге Семеновне Роданевич. Осип Семенович работал шахтным инженером-химиком в разных центрах добычи угля Украины и России, в 1933 году он оказался в Новосибирске, явно не был доволен своим местом службы и подумывал о том, чтобы сменить его. 11 июня Василий Гроссман пишет Ольге Семеновне: «Вы пишете о Днепропетровске. По-моему, за эту возможность следует ухватиться. Это большой, хороший город — Киев, Харьков, Москва, Криница, черт возьми, не так далеко от него. Работа интереснее, вероятно, чем в Сталино и тем более чем в Новосибирске. Мой вам совет, дорогие мои, держите курс на юг» (наст. изд.: 775). 16 июня он пишет отцу: «Ты решил ехать в Прокопьевск? Во всяком случае, не связывай себя никакими обязательствами на долгие сроки, чтобы можно было уйти оттуда» (наст. изд.: 152). В этой ситуации очень вероятно, что «Штрумск» отправляет не к киевскому физику, а к другому Штруму: Илье Яковлевичу

(1880–1946), служившему директором Института гигиены и патологии труда в Сталине (Донецке), в котором работали в свое время и отец, и сын Гроссманы. К тому же с 1932 года Илья Яковлевич Штрум возглавлял еще и кафедру гигиены труда в медицинском институте, где преподавал Василий Гроссман. Иными словами, Сталино представлялся Василию Гроссману более подходящим местом работы для отца, чем Ленинск-Кузнецкий в Кемеровской области (подробно об этом и других аналогичных случаях см.: Krasnikova, Volokhova 2023).

Семейный архив Гроссмана — Губер

Долгое время считалось, что в фондах РГАЛИ содержатся все сохранившиеся послания Гроссмана к отцу. Однако в 2024 году в семейном архиве писателя мы обнаружили два с лишним десятка писем, о существовании которых ранее не было известно: 25 писем периода 1951–1955 годов и фрагмент письма от 21 декабря 1933 года — все они хранились в разных местах семейного архива и не были никак систематизированы (об этом корпусе см.: Volokhova, Krasnikova 2025). Все письма хорошо сохранились — их расшифровка была проведена без особых затруднений.

Возможно, в 1950-м или начале 1951 года отец упаковал письма, полученные от сына в 1925–1950 годах, — и именно эту пачку Василий Гроссман затем передал Заболоцкой, — а те, что получал позже, Семен Осипович в пакет не добавлял. Фрагмент письма 1933 года — исключение; предположительно, он мог затеряться и поэтому не был присоединен к остальным, когда Гроссман-старший упорядочивал свою корреспонденцию.

Этот фрагмент — последняя страница письма, хранящегося в РГАЛИ, в котором Гроссман рассказывает о своем дебюте на собрании перевальцев (наст. изд.: 134–135). Первые две страницы письма не датированы, и ранее высказывались гипотезы о том, когда именно оно было написано и когда состоялась читка рассказов Гроссмана: в начале декабря 1933 года (Бит-Юнан, Фельдман 2016: 180), в конце 1933 года (Roroff 2019: 72), в 1934 году (Губер 2007: 23). Теперь же, благодаря работе в семейном архиве, мы смогли установить точную дату письма: 21 декабря 1933 года, — и собрания: 20 декабря.

Важнейшей находкой нам представляется единственное обнаруженное на сегодня — и, возможно, сохранившееся — письмо

отца к Василию Гроссману (наст. изд.: 269–271). Написанное в сентябре 1945 года, оно проливает свет на отношения Семена Осиповича с матерью Гроссмана Екатериной Савельевной. До настоящего времени было известно лишь, что после расставания они поддерживали дружескую переписку. В своем же откровенном письме Семен Осипович пишет сыну, что продолжал любить Екатерину Савельевну, глубоко раскаивается в том, что не провел последние годы с ней; пишет, что хотел бы быть рядом в ее последние дни и погибнуть вместе в Бердичеве.

Записки из Литературного музея

Как было указано выше, к корпусу писем отцу мы добавили еще две непубликовавшиеся записки от 1935 года из архива Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (ГЛИМ ОР. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1–2). Они были переданы в коллекцию музея в 2001 году Дмитрием Юрьевичем Кукоевым и представляют ценность, поскольку позволяют более точно датировать перемещения Гроссмана между Москвой и Донбассом в 1935 году и свидетельствуют об общении с Борисом Губером в этот период.

ПЕРЕПИСКА С ОЛЬГОЙ ГУБЕР

С Ольгой Губер, женой писателя Бориса Губера, Гроссман познакомился, когда завел дружбу с перевальцами в первой половине 1930-х. 12 октября 1935 года Ольга Михайловна ушла к Гроссману, оставив мужу двух сыновей, Мишу и Федю, официально же новые отношения были оформлены 28 мая 1936 года. За почти тридцать лет брака пара прошла через многое. В 1937 году арестовали и расстреляли Бориса Губера, вслед за ним в феврале 1938-го арестовали и Ольгу; Гроссман забрал к себе Мишу и Федю и сумел добиться освобождения жены. В 1942 году в эвакуации в Чистополе погиб шестнадцатилетний Миша. Серьезным испытанием для обоих стал роман Василия Гроссмана с Екатериной Заболоцкой, начавшийся в 1956 году. И наконец, болезнь Гроссмана, которая дала о себе знать в 1962-м. Все эти годы, когда один из супругов находился в отъезде, между ними велась

переписка — привычка, не нарушавшаяся, даже когда Гроссман жил с Заболоцкой.

Самое раннее письмо Гроссмана к Ольге Губер, публикуемое в книге, было написано Гроссманом в марте 1937 года, самое позднее — в октябре 1963-го; таким образом, переписка охватывает более 26 лет.

О том, что эта корреспонденция существует, было известно в первую очередь из публикаций Федора Губера. При этом, как упоминалось выше, в них письма использовались, скорее, в качестве документальной канвы воспоминаний. Эдиционные принципы здесь не всегда ясны, архивные источники не описаны и в основном цитируются выборочно, а не целиком; тексты не установлены критически, некоторые датированы неверно, регулярно нарушается их хронологический порядок. В силу этого некоторые биографы Гроссмана осознанно отказались от использования в своей работе материалов книги «Память и письма» и предшествовавших этой книге журнальных изданий (см., напр.: Garrard, Garrard 2012; Бит-Юнан, Фельдман 2016).

Переписка Гроссмана с женой хранится в семейном архиве и до недавнего времени была недоступна исследователям. Мы обнаружили эти письма в два этапа. На первом, описанном в нашей статье «Letters to father, wife and last love: Vasilii Grossman's epistolary legacy» (Krasnikova, Volokhova 2023), в мае 2023-го Елена Кожичкина, дочь Федора Губера, передала нам для ознакомления три папки, в которых находились письма, конверты, открытки и телеграммы Василия Гроссмана и Ольги Губер, собранные и систематизированные Федором Борисовичем. Документы в папках были рассортированы по конвертам формата С5, на которых стояли чернильные или карандашные пометки, сделанные Федором Губером. Эти пометки отражают его работу по установлению датировок и упорядочиванию корпуса по хронологии — работу, которая не была доведена до конца. Хотя большинство датировок соответствуют действительности, одни материалы остались недатированными, другие были датированы неверно. В некоторых конвертах письма лежали в хронологическом порядке, в некоторых — нет. В папках было найдено около двухсот писем и открыток от Гроссмана к жене и более пятидесяти писем и открыток от Ольги Михайловны к мужу.

На следующем этапе при разборе семейного архива были обнаружены новые письма. Они хранились разрозненно и не были систематизированы. В некоторых случаях фрагменты писем были обнаружены в разных местах и затем соединены. Один из примеров — письмо Ольги Губер мужу, написанное между 5 и 9 августа 1942 года (наст. изд.: 375–377): первый его отрывок хранился в папках, переданных нам для работы Еленой Фёдоровной Кожичкиной, два других, найденных позже, — в разных частях семейного архива.

На втором этапе было обнаружено еще 74 письма и открытки Василия Гроссмана к жене, все они включены в книгу. Писем и почтовых карточек Ольги Михайловны к мужу несколько сотен, и так как все они не могли попасть в настоящее издание, мы отобрали из них часть, руководствуясь следующими принципами: публикуются все письма военного времени (это самые ранние из сохранившихся писем Ольги Губер к Гроссману), а в более поздней переписке — те, что Ольга Михайловна отправляла из Москвы, когда ее муж был в отъезде, так как в них содержатся важные факты о семейном быте, круге общения, редакционных делах, публикациях Гроссмана.

Исключениями из этого правила стали письма, которые Ольга Губер отправляла Гроссману в ноябре 1960 года, когда он был в Гаграх, и в ноябре — декабре 1961-го в Армению — по той причине, что письма самого Гроссмана к жене из Абхазии если и сохранились, то пока не обнаружены, его письма из Армении мы печатаем по публикации, подготовленной женой, с купюрами, а послания Ольги Михайловны в этих двух случаях содержательно и тематически перекликаются с другими ее письмами, не добавляя нового. Остальные письма Ольги Михайловны, не вошедшие в нашу книгу, написаны из ее поездок в Крым — с середины 1950-х по начало 1960-х годов она ездила туда два раза в год. Она подробно описывает свою южную жизнь, отношения с хозяевами комнаты, которую снимала, или соседями по дому отдыха, походы в коктебельские бухты в поисках полудрагоценных камней, приводит много бытовых подробностей. Все эти письма мы надеемся опубликовать в будущем, в полном издании корреспонденции Василия Гроссмана и Ольги Губер.

Большинство писем хорошо сохранились, за исключением писем Ольги Михайловны из эвакуации в Чистополе, многие из

которых написаны карандашом, поблекшим от времени и стершимся на сгибах. На письмах также есть и карандашные пометы, по-видимому Федора Губера: подчеркнуты некоторые предложения или же — на полях — более крупные фрагменты текста.

Это собрание — единственное в нашей книге с существенной долей писем, написанных корреспондентом Гроссмана. Знакомясь с ним, нужно учитывать одну особенность: по этой переписке отчетливо видно, что она велась не по принципу «письмо — ответ», не по принципу диалога, в котором каждая из реплик является реакцией на предыдущую. В условиях, когда не всегда было понятно, дойдет ли письмо, а если дойдет, то через сколько дней или недель (и это касается не только военного периода), переписка походила, скорее, на два потока писем, которые время от времени «пересекались». Этим и обусловлен принцип расположения писем в нашей книге. Поскольку не всегда возможно найти письмо, на которое отвечает корреспондент, или же в силу того, что это письмо написано давно и уже после были отправлены другие письма с обеих сторон, мы решили следовать строгому хронологическому принципу. Так, например, во время своей поездки в Ялту в 1959 году Гроссман отвечает 17 марта на письмо Губер, написанное 10 марта, однако между этими двумя письмами стоят письма супругов от 12 и 14 марта. В тех случаях, когда письма Гроссмана и Губер датированы одним и тем же числом, сначала публикуется письмо Гроссмана, а уже за ним — письмо Губер.

Почти все письма, вошедшие в нашу книгу, публикуются впервые и по архивным источникам. Но для переписки Василия Гроссмана и Ольги Губер мы сделали исключение. К корпусу архивных материалов из семейной коллекции мы добавили письма из поездки Гроссмана в Армению в 1961 году, изданные в 1967 году в сборнике «Глазами друзей». Как следует из пояснения редактора-составителя книги, тексты были напечатаны с сокращениями и подготовила их сама Ольга Михайловна (Авакян 1967: 427). В настоящий момент подлинники не обнаружены — ни в семейном архиве, ни в издательстве, — однако по ряду причин нам представляется важным дать читателям возможность познакомиться с этими письмами: из-за того, что они вышли единственный раз несколько десятилетий назад в малодоступном издании, из-за того, что в них запечатлено последнее путешествие Гросс-

мана, вдохновившее его на создание путевых заметок «Добро вам!», а также потому, что в следующем разделе нашей книги, собрании Екатерины Заболоцкой, мы публикуем большой блок писем к ней из этой же поездки. Письма жене мы снабдили примечаниями, а в одном случае внесли существенное исправление: хотя в ереванском сборнике корреспонденция была оформлена как 12 писем, на самом деле их 13 — в издании два письма, от конца декабря 1961 года и от 3 января 1962 года, были напечатаны как одно, датированное 3 января. Мы же их разделили.

Всего из корпуса корреспонденции Василия Гроссмана и Ольги Губер мы публикуем 373 документа: 275 посланий Гроссмана (из них 13 печатаются не по архивным источникам) и 98 посланий Губер.

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЕ ЗАБОЛОЦКОЙ

Гроссманы и Заболоцкие с конца 1940-х годов были соседями: обе семьи получили квартиры в писательских домах на Беговой улице в Москве и подружились. С дружбы семьями и начался роман Василия Гроссмана и Екатерины Заболоцкой; осенью 1956 года они начали жить вместе. Каждый из них не прерывал общения с супругом, от которого ушел, для каждого ситуация была очень тяжела. В результате Екатерина Васильевна решила вернуться к Заболоцкому, и с сентября 1958 года снова жила на Беговой, проведя с мужем последние полтора месяца его жизни. Гроссман тоже вернулся в свою семью, хотя, как показывают письма, публикуемые в нашей книге, его отношения с Екатериной Васильевной продолжались.

Екатерине Заболоцкой Гроссман оставил часть своего архива: письма отцу, черновую машинопись «Все течет» и другие документы. Долгое время было известно лишь о тех бумагах, которые Заболоцкая передала в 1990-е годы Джону и Кэрол Гаррард, а они, в свою очередь, — Хоутонской библиотеке Гарвардского университета.

Однако недавно выяснилось, что существует и вторая часть архива Екатерины Васильевны, имеющая отношение к Гроссману, которая хранилась в семье Заболоцких. Сейчас она находится в архиве Галеев-Галереи, и мы очень благодарны Ильдару Галееву

за возможность работать с этими документами и разрешение издать корреспонденцию.

По нашей просьбе Ильдар описал в июле 2023 года, как именно архив Заболоцкой был обнаружен и попал к нему. Мы публикуем здесь его свидетельство:

Мое знакомство с материалами архива Василия Семеновича Гроссмана произошло для меня неожиданно и во многом благодаря моей галерейной и публикаторской, на ниве изобразительного искусства, деятельности.

В 2012 году, занимаясь подготовкой художественной выставки учеников так называемой школы Мастеров Аналитического Искусства, возглавляемой Павлом Николаевичем Филоновым в середине 1920-х гг. в Ленинграде, мне посчастливилось узнать об интересной подробности. Как оказалось, эту школу несколько раз посещал Николай Алексеевич Заболоцкий.

В одной из публикаций мне попался на глаза автопортрет, исполненный Заболоцким под непосредственным наблюдением Павла Филонова. Благодаря помощи и поддержке специалиста по творчеству Заболоцкого — Игоря Лощилова — я был приглашен в гости к Никите Николаевичу Заболоцкому, автору замечательных исследований, посвященных жизни и творчеству поэта, и его жене Наталье Андреевне. Автопортрет, интересовавший меня, вскоре участвовал в одной из выставок, которую я курировал у себя в галерее.

В 2014 году Никиты Николаевича не стало, а с Натальей Андреевной мы продолжали видеться, подружились, и в какой-то момент она решила поделиться со мной семейной тайной. Помню волнующий момент, когда она извлекла из комода пачку рукописных материалов. Это были письма Василия Гроссмана, адресованные Екатерине Васильевне Заболоцкой — жене поэта, чьей невесткой была Наталья Андреевна. Кроме писем Гроссмана, в этом архиве находились и другие материалы Василия Семеновича, Ольги Губер и Екатерины Васильевны.

Наталья Андреевна Заболоцкая сообщила мне, что она хотела бы передать архив в мои руки, так как не может доверить его государственным архивам и сделать открытым для публикаций и обсуждений. История взаимоотношений двух людей воспринималась ею как нечто личное, не подлежащее огласке. К тому же была жива дочь Гроссмана — Екатерина Короткова, ко-

торая, как полагала Наталья Андреевна, могла бы реагировать строго на публикацию писем.

Было еще одно обстоятельство, которое повлияло на решение передать эти материалы мне на хранение: Наталья Андреевна была неизлечимо больна, боролась с недугом и опасалась за сохранность эпистолярного наследия. На мою просьбу определить срок запрета обнародования этих писем и возможность их публикации в обозримом будущем Наталья Андреевна ответила предельно просто: когда сочтете нужным.

Наталья Андреевна Заболоцкая хранила письма Гроссмана, публикующиеся в настоящем сборнике, долгие годы. Многие события тех лет сегодня воспринимаешь с поправкой на обстоятельства жизни людей той эпохи, доминирующего идеологического фона, сложившейся системы ценностей поколения. Но рано или поздно судьбы людей этого поколения должны быть оценены нашими современниками объективно. В изменчивости исторических и социально-культурных декораций одно остается неизменным — человек и все то, что его волнует и делает счастливым. В текстах Василия Семеновича эти чувства проявляются с наибольшей убедительностью. Именно поэтому я решил, что для публикации этих материалов час прибил.

Собрание включает в себя фотографии из поездки Гроссмана в Армению, письма Гроссмана к Екатерине Васильевне, краткие воспоминания Заболоцкой о Гроссмане, одно письмо Заболоцкой Гроссману, одна записка, адресованная Екатерине Васильевне ее дочерью Натальей, несколько писем Заболоцкой мужу и одно письмо Николая Алексеевича жене, несколько неидентифицированных фотографий и машинописи некоторых произведений Гроссмана, с его правкой и с правкой, сделанной рукой Заболоцкой. Кроме того, сохранились и сухие ветки с комментарием Екатерины Васильевны: «Это остаток букета осенних веток, которые В. С. Гроссман сорвал в сквере, где сидел после того, как отнес свой роман в редакцию. Ему хотелось, чтобы я сохранила этот букет. Остались две веточки...»

В нашей книге мы публикуем все письма, телеграммы и записки из архива Галеев-Галереи, отправленные Василием Гроссманом Екатерине Заболоцкой: это 45 писем, 4 телеграммы и 4 записки. Следуя желанию семьи Заболоцких, письмо Екатерины

Гроссман В.

Г 88 «Обо мне не беспокойся...» : Из переписки / Василий Гроссман ; сост., предисл., ком., подгот. текста Ю. Волоховой, А. Красниковой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 896 с. + вкл. (32 с.). — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-30214-3

Вниманию читателей предлагается первая значительная публикация эпистолярного наследия крупнейшего писателя XX века Василия Семеновича Гроссмана. Абсолютное большинство писем, вошедших в это издание, печатается впервые. Книга, составленная Юлией Волоховой и Анной Красниковой, специалистами по биографии и творчеству Гроссмана, включает три основных раздела: письма Василия Семеновича к отцу; переписку между Гроссманом и его женой Ольгой Михайловной Губер; письма Гроссмана к Екатерине Васильевне Заболоцкой. Эти три корреспондента входили в число самых близких людей Василия Гроссмана, и переписка с ними, охватывающая почти сорок лет его жизни, открывает нам многое о его личности, отношениях с родными, друзьями и коллегами. Мы видим, как происходит становление Гроссмана-писателя, как меняет его война, как он сражается за издание романа «Сталинград» («За правое дело»), пишет «Жизнь и судьбу», свою главную книгу, как тяжело проживает последние годы... Издание снабжено научно-справочным аппаратом: вступительной статьей, постраничными комментариями и примечаниями, аннотированным именным указателем, реестром источников и пр. Книга также содержит фотографии, многие из которых неизвестны широкой публике.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВИЧ ГРОССМАН

«ОБО МНЕ НЕ БЕСПОКОЙСЯ...»
ИЗ ПЕРЕПИСКИ

Под редакцией Юлии Волоховой и Анны Красниковой

Ответственный редактор Оксана Прилежаева

Редактор Татьяна Шущлебина

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Алины Леонтьевой

Корректоры Валентина Гончар, Дмитрий Капитонов, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.12.2025.

Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 55,86 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-39373-01-R